

Как только из растрескавшейся бузины показались первые признаки надоедливого тополиного пуха, жителей многочисленных деревень, расположенных по берегам Бии, охватила очередная рыбацкая лихорадка. Заболел ею и Иван Савельевич – человек, который в силу своего служебного положения не имел на это ни малейшего права. Впрочем, болезни у людей случаются по большей части не-зависимо от забот, возлагаемых обществом на их порой совсем неподходящие для этого плечи. Разница в том, что в некоторых случаях зерно недуга, попав на твёрдую почву здорового организма, гибнет, в других, найдя для себя питательную, удобренную многолетним стоянием под парами среду, расцветает на ней в полную силу, приводя её к полнейшему истощению и неминуемой гибели.

Уже не первое утро подряд председатель «Красного пахаря» Иван Савельевич Горский, отправляясь на работу, старался заглянуть на берег реки. Он, бывалый в прошлом рыбак, знал – вот-вот

должен начаться ход тайменя, ловить которого, правда, было строжайше запрещено, однако препятствовать рыбакам, а тем более наказывать браконьеров Иван Савельевич не собирался. Напротив, ему, мучительно истосковавшемуся за много лет по рыбалке, очень хотелось стать не только свидетелем, но, возможно, и участником такого, безобидного на его взгляд, преступления. И все же зная, что его появление на берегу спугнёт нарушителей, Горский прятался за кустами. Охота его была так велика, что, сидя в своей бесхитростной засаде, Иван Савельевич отказал себе в одном из немногих оставшихся в его распоряжении удовольствий – курении и даже пару раз перекрестился, попросив Бога, в которого он не должен был верить, о помощи.

Проведя у реки несколько быстротечных минут и в очередной раз порядочно разозлившись из-за отсутствия результата, он торопливо пошёл в контору с единственным желанием поскорее и покрепче сорвать зло за

очередную неудачу на своих подчинённых. Случись же Горскому увидеть, как удачливый браконьер тянет из воды тайменя, его, грозного и совсем несправедливого начальника наверняка не узнал бы никто. Маленького безобидного события было достаточно, чтобы превратить Ивана Савельевича в совершенно счастливого и приятного во всех отношениях человека, однако на берегу в который раз было спокойно и тихо. Плыл по реке туман, скрывая шумящий неподалёку перекат. Изредка разбивалась о камни случайная, неизвестно откуда набежавшая волна. Оставляя на воде небольшие концентрические круги, чмокали ртами чебаки, собиравшие с воды известный им одним корм. Никто не проверял оставленные на ночь перетяги и кольца; не удили пескарей вездесущие мальчишки, не гонял чебаков таймень: даже он, безусловный хозяин реки, казалось, боялся нарушить установленный кем-то порядок, запретивший ловить рыбу весной.

Справедливости ради нужно заметить, что места, по которым проходил путь Ивана Савельевича на службу, считались отнюдь не рыбацкими, тем не менее на третье утро ему повезло, и он обнаружил на камнях у реки небольшие блестящие рыбы чешуйки.

– Значит, таймень пошёл и у нас, – отметил про себя Иван Савельевич.

Самих рыболовов Горскому заставить не удалось, но он понял – с реки уже понесли по домам краснохвостых рыбин. Воспоминания о счастливой и беспечной молодости, проведённой в рыбацкой артели, вдруг нахлынули на него, он вспомнил аромат свежей таймёной ухи, которую любил до само-

забвения, и у Ивана Савельевича опять защемило под сердцем...

Много лет воевавший, а затем долго работавший в безводных степях Средней Азии, Иван Савельевич Горский больше всего хотел одного – поскорее вернуться на берег любимой Бии, но, сколько ни пытался он под разными предлогами и поводами попасть на родину, жизнь, движимая действием многочисленных причин, оставляла его вдалеке от Алтая. И только в начале 1936 года дело вдруг сдвинулось с мёртвой точки.

Утро понедельника 13 января Иван Савельевич по обыкновению начал с чтения передовой статьи в главной партийной газете. В ней рассказывалось о задачах, которые партия и тов. Сталин поставили перед Советским народом, о ходе коллективизации на Алтае, о трудовых подвигах Алтайских колхозников, а также и о трудностях, связанных с отсутствием в колхозах грамотных руководителей и специалистов по сельскому хозяйству. Внизу под статьёй был помещён рисунок следующего содержания. Человек, отдалённо напоминающий Ивана Савельевича, стоял у раскрытого окна пассажирского поезда. За окнами пульмановского вагона были видны поля, по которым ехали тракторы. Там же неподалёку на лугу паслись коровы, а выше на склонах гор белели стада баранов. Сам главный герой смотрел на все это мечтательным взглядом человека, который, как показалось Горскому, ничего не понимал в сельском хозяйстве. В руке газетный персонаж держал диплом об окончании агрономических курсов. Ещё ниже под рисунком крупными буквами было написано: «Богатства Алтайской земли – на благо Родины.

Учись работать и жить на своей земле по-новому».

Иван Савельевич, прочитал передовицу ещё раз. Затем встал, заходил взад-вперёд по комнате, заиграл желваками. Снова сел, облокотился на стол, подперев скулы крепко сжатыми кулаками, уставился на рисунок. Просидев так с минуту, он вдруг негромко ругнулся матом и резко стукнул по столу побелевшим от напряжения кулаком – словно заученным движением опытного рубака отсекая от себя все, что держало его в этом опостылевшем начальственном кабинете. От удара спрыгнул со стола бронзовый бюстик Сталина. Вбежавшая на стук секретарша спросила: «Вы что-то уронили, Иван Савельевич»? Заметив свалившийся со стола бюст, она испуганно глянула на Горского, нырнула под стол и мгновенно водрузила тов. Сталина на место.

«Все в порядке, Светлана Тимофеевна», – спокойно ответил Иван Савельевич. – Принесите, пожалуйста, мне конверт».

Спустя час Светлана Тимофеевна опустила в почтовый ящик письмо, на котором, кроме фамилии и адреса отправителя, было написано: «Москва, Кремль, лично тов. Сталину». В конверте находилось заявление И.С. Горского с просьбой направить его на Алтай.

Через год в начале зимы 1937 года Ивана Савельевича неожиданно вызвали в райком партии и вручили направление на учёбу. Ещё через полгода, успешно окончив в городе Ярославле агрономические курсы, Иван Савельевич Горский был направлен на Алтай руководить колхозом, обеспечивавшим сырьём большую льноткацкую фабрику, расположенную в уездном городе.

Село, в котором по решению выпускной комиссии агрономических курсов предстояло жить и работать Горскому, располагалось в каких-то десяти вёрстах от его родной деревни. Иван Савельевич был счастлив. Воодушевлённый мыслью о предстоящей встрече с родными местами, он дал телеграмму жене с указанием срочно собирать немногочисленные вещи, накопленные за время скитаний, и отправляться к новому месту жительства. Сам же, добравшись из Ярославля до Москвы, первым делом разузнал в справочном бюро, где находится самый лучший в Москве рыболовный магазин. Ему посоветовали ГУМ. Припрятав в дальний потайной карман часть денег, которую он рассчитывал потратить на подарки жене Зинаиде, Горский направился в ГУМ. Изобилие, которое увидел Иван Савельевич на прилавках, поразило его, но денег оказалось мало, и Горский купил себе только то, без чего, как заверил его молодой всезнающий продавец, обойтись современному рыболову-спортсмену было просто невозможно. Спиннинг, катушка, моток жилки и несколько блесен, которые Горский взял в качестве образцов для самостоятельного изготовления, съели все деньги, отложенные Иваном на рыбацкие принадлежности. Всезнайка-продавец понял, что Иван Савельевич собирается ловить крупную хищную рыбу, самым настоятельным образом стал советовать ему прочитать книгу Сабанеева «Рыбы России», особенно главы, которые касаются ловли на спиннинг. Говорил он так горячо и убедительно, всякий раз приговаривая – «я цитирую, конечно», что Иван Савельевич и сам через некоторое время

уверовал, что книга эта ему просто необходима. «Ну, неси, неси сюда свою книгу, куплю я её!» – сказал Иван Савельевич. Продавец виновато посмотрел на него и тихо произнёс: «Это я вам просто посоветовать хотел, книги этой ни у нас, ни в других рыболовных магазинах, к сожалению, нет, и, по-видимому, не предвидится». «Что же ты мне голову-то целых полчаса морочил. Дурья твоя башка», – сделав рассерженное лицо, пробасил Иван Савельевич и отошёл от прилавка. За спиной он услышал, как старший по отделу злым шёпотом стал распекать своего коллегу. Ивану это не понравилось, и что-бы хоть как-то подбодрить незаслуженно обиженного им продавца, он обернулся и сказал: «Да вы не расстраивайтесь, товарищ, все равно эта книга мне не пригодится. У нас такая рыба водится, что её в вашей книжке наверняка нет».

«Это какая же рыба?» – парировал воспрянувший продавец.

«Таймень», – с чувством собственного достоинства громко, чтобы слышали все посетители отдела, ответил Иван Савельевич. И тут молодой продавец громко расхохотался.

«Что вы смеётесь?» – почти закричал сквозь хохот рассерженный теперь уже не на шутку Горский.

«Ох-ох-ох, извините, пожалуйста, – наконец прокашлялся продавец. – Что же вы сразу-то не сказали. Это и есть именно та книга, в которой про тайменя все и написано. Только вот издавали её в последний раз давно, в 1892 году. Книга редкая, но вам повезло. Вчера я видел её в букинистическом магазине Левы Цайтлера. Вы обязательно поезжайте и купите, пока никто не забрал. А купите,

не пожалеете, это я вам говорю. Вот адрес, – продавец написал на листочке бумаги адрес магазина и протянул Ивану Савельевичу. – Точно не пожалеете! Я вас уверяю».

В букинистическом магазине Иван Савельевич в очередной раз удивился. Как может книга, напечатанная много лет назад, порядком замусоленная и наверняка прошедшая через бесчисленное количество рук, стоять дороже новенького, пахнущего типографской краской четырёхтомника И.В. Мичурина, которым премировали его на днях как лучшего выпускника сельскохозяйственных курсов. Он отлично помнил, на каждом из томов Мичуринского фолианта красовалась выдвленная твёрдой рукой переплётчика государственная цена 10 рублей, итого 40 рублей за четыре тома. А тут. На пожелтевшем от времени корешке нетвёрдым ученическим почерком было выведено: «Новая цена пятьдесят рублей!» Горский с недоумением взял в руки потёртую книжку.

Л.П. Сабанеев «Рыбы России. Жизнь, ловля (уженье) наших пресноводных рыб». Том первый. Раскрыл переплёт.

Окунь, берш, судак, чоп,... из рыб, указанных на первой странице оглавления, Горский знал окуня, ерша и налима. Он разочарованно качнул головой, вопросительно посмотрел на букиниста, перевернул страницу. Его взгляд упёрся в череду точек, начинавшихся после магического слова «таймень» на левой стороне страницы и заканчивавшихся на правой странице числом 179. Горский стал читать дальше.

Описание и распространение (179).

Сибирский таймень (180).

Образ жизни озёрного тайменя и его нерест (182)...

Иван Савельевич пробежал оглавление до конца. Последний номер был 185. Горский отнял в уме две цифры, получилось 6. Немного. Раскрыл книгу на 179 странице. Один. Перевернул страничку. Два, три. Перевернул ещё раз. Четыре пять. Перевернул ещё, но шестая страница не стала последней. Шесть, семь, восемь, девять, десять! На странице 189 статья о тайменях заканчивалась, и следовала неизвестная Горскому рыба палья. Иван Савельевич ещё раз сосчитал в уме до десяти и понял, что готов заплатить за эту книгу испрошенные Цайтлером 50 рублей. Взглянул на Леву. Продавец, склонив голову набок, смотрел на Ивана Савельевича.

– Я вижу, это именно то, что вам нужно, – сказал тихонечко Лева и нырнул под прилавок. Оттуда тоном мудреца, понимающего в этой жизни все и снисходительно прощающего ей досадные издержки, изрёк: – К сожалению, как это часто бывает, есть одно маленькое но.

Затем с улыбкой человека, совершенно счастливого оттого, что он сделал нужное и полезное дело, Лева вынырнул из-под прилавка и выложил перед Иваном Савельевичем ещё одну книгу, очень похожую на первую.

– Если вы хотите читать то, что написано в той замечательной книге, вам придется купить издание целиком. Два тома. А стоит оно ровно... Лева заглянул за корочку переплета и отложил на костяшках счетов цифры один и пять, – ровно сто пятьдесят рублей.

Это означало, что второй том, в котором, как правильно понял Горский, не было ни слова о заме-

чательной рыбе таймень и который был абсолютно не нужен Ивану Савельевичу, стоил ровно в два раза дороже первого. Горский посмотрел на счеты, один и пять – это были именно те сто пятьдесят рублей, которые Иван Савельевич, приберегая до поры, благоразумно отделил от «рыбачьих» денег и рассчитывал потратить на подарки жене.

– Позвольте, голубчик, – чуть было не сорвалась с губ Ивана Савельевича совершенно чуждая и неизвестно каким образом залетевшая к нему на язык фраза.

Однако Лева опередил Горского и ласково произнес:

– Отдельно они не продаются.

Иван поднял глаза – со стекловидных круглых Левиных очков смотрело на него растерянное, жалкое, искаженное до неузнаваемости отражение Ивана Савельевича Горского, человека, который ни разу в жизни не отступил со своих позиций.

– Беру, – выдавил Иван Савельевич и протянул Левае сто пятьдесят рублей.

Поля, на которых Горский выращивал лен, располагались большей частью по берегам Бии, и объезжая свои владения, Иван Савельевич не раз видел, как играет на реке таймень, гонясь за хариусами и чебаками. Счастье его было всем, совсем рядом. Иван Савельевич останавливался, смотрел на кипящую от красных хвостов реку и представлял, как однажды, прихватив с собою купленный в Москве спиннинг, он выйдет рано утром на берег и, широко размахнувшись, запустит метров этак на сто тяжелую латунную ложку в реку. Дождавшись, когда блесна с тихим всплеском где-то далеко-далеко за туманом ляжет на воду, он станет медленно, слегка чиркая колебалкой по дну вести её к

берегу. Посматривая на мерное мелькание спиц инерционной катушки, он будет настойчиво ждать поклёвки крупной красивой сибирской рыбы...

Очнувшись от сладких мыслей, Иван Савельевич больно хлестал коня плёткой и, не оглядываясь, уносился подальше от реки, туда, где не долетали до уха хлёсткие удары дразнивших его красных хвостов. С превеликим удовольствием и гораздо большей пользой для народного хозяйства Иван Савельевич мог взвалить на себя организацию рыбацких артелей или разведение карпов в прудовых хозяйствах, но партия сказала: страна остро нуждается в мануфактуре – и Иван Савельевич продолжал выращивать лен.

Хотя времени Горскому не хватало никогда, вернее, хватало только на работу и короткий сон, с недавних пор у Ивана Савельевича появилось странное ощущение: ему стало казаться, что течение времени изменилось. Точнее убыстрилось. Сначала дни стали казаться короче, под Новый год одна за другой покатались с невиданной быстротой недели, а затем и месяцы. Ночью Иван Савельевич, лёжа в темноте, слушал однообразное постукивание настенных часов, но они отсчитывали время так же монотонно, медленно, как раньше. Под утро, когда в комнате становилось светлее и Иван мог разглядеть стрелки и циферблат часов, он вспоминал детские годы...

Часто зимой Ваня с братом, словно зачарованные лунным светом, падавшим через окно, подолгу, стараясь не мигать, следили за стрелками стареньких ходиков. Но стрелки, сколько на них ни смотри, оставались все время на своём месте. Однако стоило лишь на ми-

нутку задремать или отвернуться, как стрелки странным и тайным образом умудрялись переместиться от одного деления к другому. Вот и теперь, как ни старался Савельевич уследить за движением стрелок, ничего у него не получалось. Все было как в далёком детстве: стрелки, отсчитывая время, совсем незаметно перемещались от деления к делению, и если бы они на самом деле стали крутиться быстрее, то Иван наверняка смог это заметить. Конечно, это было бы странно, но хотя бы отчасти объяснило, отчего ему начало казаться, что время пошло быстрее. Не так давно сдавший экзамен по философии Иван знал с абсолютной точностью: время движется для всех абсолютно одинаково, и если вдруг что-то такое ему показалось, дело, вероятнее всего, в нем самом. Скорее всего, в его возрасте – он не раз слышал от старших товарищей, что после сорока годы начинают лететь как птицы, а сорок ему исполнилось уже давно.

– Видимо, пришло время и моим журавлям собираться в стаи, – произнёс он неожиданно странную, похожую на стих фразу.

– Что вы сказали, товарищ Горский? – возвратил его к действительности голос секретаря райкома.

– Вам сейчас не о журавлях надо думать, а о том, чтобы грачи да вороны семена с полей не склевывали.

Сидящие за столом коллеги посмотрели на Ивана Савельевича и засмеялись.

– Товарищи, прошу вас быть серьезнее и сосредоточенней, – продолжил секретарь.

Обидная фраза первого секретаря уколола Ивана, он насутился, как всегда, когда злился, заиграл

желваками и со всей отчётливостью осознал – время теперь будет идти для него с каждым прожитым годом все быстрее и быстрее, превратившись к старости в череду безвкусных дней и утомительных отравленных бессонницей ночей.

Через несколько минут совещание закончилось. Иван спустился в буфет, выпил двести граммов разливной водки, и досадная мысль на время испарилась из его головы. Но ненадолго.

Проснувшись ночью от жакды, Иван Савельевич почему-то вспомнил, как, будучи юношей, услышал от странника, вышедшего на свет артельного костра, необычную фразу: время начнёт двигаться быстрее перед Апокалипсисом – концом Света. Горскому показалось странным, что на память ему пришёл именно этот ничем более не примечательный старик. В юности, когда Ваня работал с отцом в рыбацкой артели, обросшие бродяги почти каждую ночь грелись у их костров, платя за тепло и еду бесконечными невероятными историями и страшными пророчествами о конце Света. Почему именно эту фразу сохранила его память: «Время начнёт двигаться быстрее перед Апокалипсисом»? Верить в конец Света Иван Савельевич не имел права и, матюгнувшись, прогнал из головы стариковский вздор. Встал, зачерпнул ковш тепловатой воды, залпом выпил. Снова забрался в постель. Однако сон не шёл. Горский поднялся, вышел на двор. Закурив, выпустил струю едко-го табачного дыма в небо. Когда муть, заслонившая ненадолго бесчисленные звезды, рассеялась, в голову к Ивану сама по себе пробралась простая и ясная мысль – его собственный конец и будет

для него концом света. А время на этой планете стало двигаться быстрее только для него, Ивана Савельевича Горского, которому, следуя его же неутешительной логике, жить осталось не очень долго. От такой мысли его плечи и руки покрылись мурашками, он подумал о близкой смерти и в ту же секунду отчаянно захотел снова стать молодым. Вернувшись домой, Горский забрался под одеяло к жене. Трясущимися то ли от холода, то ли от страшной мысли руками он стал обнимать Зинаиду, распаяясь больше и больше...

Когда все закончилось, Горский, откинувшись на спину, уснул, пробормотав на прощание: «Придёт же такое в голову. Время моим журавлям собираться в стаи! Слабость и разгильдяйство!»

За год Ивану Савельевичу так и не удалось выбраться на рыбалку. Не было свободного времени. Через два года пребывания Ивана Савельевича на родной земле в уезде появился новый руководитель. После же первой встречи с ним Савельевичу стало ясно: новый первый определённо знает толк в еде и выпивке. Оставалось надеяться, что он знает толк и в хорошей рыбе. Иван Савельевич не ошибся, через некоторое время в одной из деревень уезда появилась рыбацкая артель. Иван Савельевич попросился туда на работу. Однако в его «Красном пахаре» дела шли хорошо, и Горского оставили на старом месте.

Через два дня Иван Савельевич поехал в город на заседание.

Его хвалили. Потом заслушали доклад об успехах новой рыбацкой артели. Успехи у артельщиков были весьма скромными: за неделю артель выловила 447 килограммов рыбы. Из них щуки 130 кг, язя

127 кг, чебака и окуня 190 кг, ни одного тайменя, нельмы или хариуса в сводке не значилось. Ивану Савельевичу стало плохо. Так бездарно распоряжаться огромными богатствами реки мог только враг.

Иван Савельевич вернулся домой, достал со дна основательно битого в бесконечных переездах дорожного сундучка пожелтевшую от времени папку. В ней лежали аккуратно подобранные вырезки из газет. Немного поискав, он извлёк из папки нужный листок. Это была заметка, вырезанная из дореволюционной газеты «Ведомости Алтая». Речь в ней шла об артели, в которой до 1918 года работал вместе со своим отцом Иван. Перечитав её несколько раз подряд, Иван Савельевич аккуратно спрятал пожелтевший клочок бумаги в нагрудный карман.

В понедельник Иван Савельевич без приглашения пришёл в кабинет к первому и снова попросился руководить рыболовной артелью. Первый коротко процитировал классика, добавил несколько слов о разделении труда, трудовой дисциплине, линии партии, а под конец велел Горскому побыстрее отправляться на работу в колхоз. Во всем поведении первого чувствовалось какое-то нетерпение, как будто что-то очень приятное ждало его впереди, а Горский с газетными вырезками стоял у него на пути.

Иван понял – о рыбалке ему придётся забыть, если не навсегда, то точно на время, пока в уезд не пришлют нового первого.

Иван Савельевич направился к выходу, протянул руку, чтобы отворить дверь, как вдруг одна из её створок раскрылась сама, и в комнату, пятаясь, вошла молоденькая секретарша.

– Ваш обед Георгий Иванович, – прошептала она детским голоском, откинула пухленькой ручкой салфетку, скрывавшую от посторонних глаз содержимое разноса, и в ноздри Ивана Савельевича впорхнул вместе с благоуханием юности запах свежей тайменьей ухи.

У Ивана от внезапно нахлынувшей на него смеси чудесных ароматов и противоречивых, невозможных мыслей кровь хлынула к голове, раскалив докрасна и без того загоревшее на солнце лицо. Ему захотелось наброситься с кулаками на первого, отнять у него тарелку с ухой, пухленькую секретаршу, а вместе со всем этим и власть над его судьбой, которую первый решил так поспешно, видимо, не в силах дожидаться вожделенной тарелки с рыбным супом.

– Что с вами? – посмотрев на Ивана, резко спросил первый. – Может, вызвать врача? Что вы молчите? Если нужен врач, мы его пригласим, а если с вами все в порядке, то выбросьте глупости из головы, отправляйтесь на работу и займитесь делом, которое вам доверила Партия. Идите, голубчик, идите.

Иван вышел из кабинета, словно в тумане добрал до туалетной комнаты и долго держал голову под струёй холодной воды.

На следующее утро история с чешуйками повторилась. На камнях у реки Горский опять обнаружил знакомые блески. Сердце заныло сильнее. Он отчётливо представил лицо первого, лоснящееся от жирной ароматной ухи и съеденного вдогонку большого куса тайменя. Ему стало невыносимо стыдно от своего бессилья и одновременно страстно до слез захотелось жить по-настоящему, как раньше, но только здесь и сейчас, ничего не откладывая на завтра.

С этого момента мысль об ухе, которая, пусть ненадолго, но вернёт ему потерянное давным-давно ощущение счастливой, наполненной надеждами юности, больше не оставляла Ивана Савельевича. Он стал напряжённо думать, где взять рыбу?

Детей у него не было, старики, жившие в соседней деревне, давно сделались немощными, жена работала в колхозе, следовательно, отправить на рыбалку ему было некого. Попросить рыбы у раскулаченного соседа-бобыля, так и не вступившего в колхоз, он не мог.

– Время жестокое, жёсткое, – без конца повторял он спасительный канон, – вести себя нужно осторожно, забудь, забудь об этой проклятой рыбе, но мощный голос неведомой ему природы и силы кричал – хочь ухи!

На берег Горский ходить перестал – понял, если в его присутствии браконьеры поймают тайменя, он не сможет противостоять своему безумному желанию и силой заберёт у них рыбу. Догадаться, чем может закончиться для него подобная выходка, было несложно, и Иван Савельевич, как ему показалось, взял себя в руки. Однако стоило ему успокоиться, как судьба, которая не баловала Грозного и раньше, беззлобно усмехнувшись над единственной настоящей страстью Ивана Савельевича, сделала неожиданный реверанс ножкой, запнувшись о которую он больше не смог сопротивляться охватившему его гастрономическому безумству. Все произошло обыденно просто, можно сказать по-домашнему – с соседского двора долетел до него легчайшим предгрозовым облачком знакомый запах свежей тайменьей ухи. Не той мутновато-зелёной

баланды, состоящей из пшена, резаной картошки и затхлых прудовых карасей, которой его угощали в городе на обеде у предыдущего секретаря райкома, а ухи настоящей, сваренной из рыбы, только что выловленной в чистой и быстрой речной воде. В такую уху не нужно было сыпать на дно слой жёлтой крупы, имитирующей речной песок, добавлять лавр, отбивающий вкус тины, и укроп с луком, которые окончательно превращали уху в один из малорусских супов мадам Молоховец. Рецепт ухи, которую любил Иван Савельевич, был гораздо проще: по фунтовому ломтю таймешатины и по одной – две круглых картофелины на едочка, немного соли и совсем немного воды. Зелёный лук и укроп, конечно, подавали, но добавляли его только те, кто пробовал этот бальзам впервые. Берёзовых головёшек в такую уху опускать было незачем – только портить. Водку и самогон принимали с нею обычным способом, отдельно и вовнутрь.

К сожалению, все это было в жизни Ивана Савельевича очень, очень давно. Но именно тот далёкий, и незабываемый аромат свежей ухи вдруг залетел к нему в ноздри с чужого двора. Жена Ивана Савельевича, разумеется, тоже почувствовала рыбий дух, но, понимая положение в котором находится её муж, промолчала.

На следующий вечер наваждение повторилось. Иван Савельевич, и без того с трудом скрывавший своё раздражение, сорвался и наорал на жену Зинаиду. Зина смолчала. Так продолжалось неделю. Днём Иван Савельевич руководил колхозом, вечером нюхал чудный запах и орал на жену, а ночью беспокойно ворочался в постели и курил на дворе самосад.

На седьмой день обессилевший от борьбы со своей страстью Горский уснул. Ему приснилась Зина. Взяв поперёк туловища неизвестно каким образом заплывшего к ним в огород тайменя, она изо всех сил ударила Ивана по лицу красным таймешачим хвостом. Савельевич мгновенно догадался, откуда приплыл таймень, тем более что на задах корчил ему рожи раскулаченный сосед бобыль.

Горский проснулся в холодном поту. Жена Зина мирно спала рядом, но это не принесло Ивану Савельевичу душевного облегчения. Мысль о зажиточном холостяке, обитавшем по соседству, так неожиданно и неприятно посетившая Ивана во сне, накрепко застряла в его голове.

Савельевич вышел на двор. Сплюнув на землю, он процедил сквозь зубы: «Уйдёт Зинка к соседу, не прощу себе, застрелюсь – и зло глянув в сторону мирно спавшего соседского подворья, добавил: – его тоже».

Утром следующего дня сквозь распахнутые окна председательского кабинета ворвались с улицы испуганные протяжные детские голоса.

– Крокодил...

– Крокодил...

Иван сдвинул в сторону пёструю задержку. Вдоль окон со стороны реки бежали два деревенских паренька. Он узнал их, те самые пацанчики-погодки, мать которых была приставлена следить за стадом колхозных гусей.

– Крокодил, крокодил!

– Крокодил съел гуся!

Пронзительно кричали мальчишки, разнося по дворам очередную звонкую и нелепую деревенскую небылицу.

Через четверть часа в кабинет к

председателю вбежала раскрасневшаяся и напуганная до полусмерти Клавка. Обдав председателя запахом вчерашнего полугара, рухнула в ноги и запричитала сквозь слезы, подвивая и путаясь:

– Прости, Савелич. Виновата, ведь сама напросилась гусей этих пасти. Взял ты меня на свою голову. Что же теперь? На кого я деток оставляю? А меня? Меня, небось, в тюрьму?

– Да не кричи ты, Клав, не кричи.

Иван плотно закрыл окна, поднял Клавку с колен, усадил на стул. Сказал уже помягче:

– Не причитай, хватит. Думал, ты и в правду пить бросила. Поверил. Ну, говори, что случилось?

Клавка схватила со стола стакан, глотнула воды и снова слёзно запричитала:

– Я у Нижнего камня гусей колхозных пасу. Там затон, вода тихая, гусям там хорошо. А нынешней весной стал туда чего-то таймень наведываться. Ну, таймень и таймень, эка невидаль, ну чебаков да карасей в затоне погоняет да и снова на течение харюзов жрать. А вчера смотрю, вылез он тихонечко посередь затона с воды, весь чёрный, блестящий, здоровенный, бревно бревном. А в затоне, как назло, мамка с апрельским выводком плавала. Этот чёрный пасть разинул, хватя да и утянул гусёнка под воду. Я так и села. Мамка обернулась, нету малого сверху, она в воду нырнула да и выскочила оттуда как ошпаренная и гусят к берегу с воды погнала. Я про малого решила не говорить никому, авось не заметят, а потом, подумалось, а вдруг скажут, что я гусёнка украли, испугалась да с горя и выпила. Утром встать не смогла, так я

ребятишек и послала за гусями походить, пока просплюсь. А он, гад, взял да мамку ихню с утра и сожрал, таймень этот проклятый. А мамка большая была, не гусёнок какой. Теперь точно не скрощь, все, беда мне. Конец.

Клава замолчала. Иван посмотрел на заплаканное Клавкино лицо, вспомнил, как совсем ещё недавно Клава просилась у него в колхоз, много плакала и клялась, что раз и навсегда бросила пить. А назавтра и сам Иван Савельевич, поручившись за неё на собрании, битый час уговаривал колхозников принять вдовую бабу с двумя детьми, под свою, мать его, ответственность.

– Совсем людям верить нельзя, – мелькнула вредная мысль в голове у Ивана, и тут же вдогонку подумалось: – А как же не верить?

Обе эти простые мысли, были вроде бы правильными, но по отдельности, а вот встав в его голове рядом, превратились в невыносимо мучительную головоломку: верить или не верить? Выходило ни то, и ни другое. Это ещё больше рассердило Ивана Савельевича. Думать подолгу, рассуждать, полагать, а тем более пытаться задом, Иван Савельевич не любил, другое дело идти вперёд и делать дело! Тут же сверкнула в голове мысль, как сверкала когда-то под южным солнцем сабелька, брившая по утрам его широкие скулы. В одно мгновение Иван сложил в голове план, который, как ему показалось, разом развяжет все давно не дававшие ему житья узелки, свалявшие его желания и надобности в один большой ком. А катить перед собой этот ком у него не было больше сил.

– Поймаю этого проклятого

тайменя и все одним махом решу. Клавка, гуси, все. Не могу не поймать. Должен!

Следом вынырнуло и поплыло по волнам памяти загнанное в самую глубину, почти невесомое и в то же время сладкое, гревшее и одновременно сушившее его душу годами тихое слово – уха. Дальше уже громче и яснее, тяжело отдавая в висках, застучало в голове молотом: «Уха из тайменя. Из тайменя! Нет, нет, не так громко, ещё тише. Молчи, молчи, не спугни. Ух!» – выдохнул опасные мысли напуганный своим неодолимым желанием Иван.

– Ладно, Клава, иди домой. Не пей больше и не болтай по деревне, а то накажу. Да, ребятишкам вели, чтобы молчали! Я сам разберусь!

Тем вечером солнце особенно долго не пряталось за горизонт, и лишь когда на землю, наконец, опустился туман, Иван Савельевич отправился к бобылю и попросил соседа отвезти его утром туда, где обитал вороватый таймень. Сосед не удивился просьбе Ивана, однако ехать вместе с ним на остров отказался. Сказал:

– Бери мой баркас. Потом сочтёмся.

Пошли на берег смотреть лодку. Иван потрогал утлое судёнышко. Небольшая, немного пузатая. Покрутил сбоку на бок. Спросил:

– Вертлявая больно душегубка. Не кувырнётся? Поди, утопить меня хочешь?

Сосед смолчал. Не дождавсь ответа, Иван Савельевич пошёл домой.

Ужинать не стал, выудил со дна сундука блесну, купленную по совету смешливого продавца. Прикрутил на удилице новехонькую катушку. Протянул

сквозь хромовые кольца почти прозрачную блестящую жилку, повесил на леску блесну, поставил снасть в угол и, не раздеваясь, лёг спать.

Утром, в непроглядном тумане, прикрывшем Ивана от случайного сглаза, тихонечко, чтобы не спугнуть загулявшую парочку, спустил лодку в воду и погреб в сторону острова.

Иван услышал тайменя сразу. Где-то далеко на стрежне чёрный разбойник гонял хариусов. Иван бросил блесну. Блесна, увязнув в густом утреннем тумане, упала на воду слишком близко. Бросил второй раз, третий, четвёртый, и каждый раз, когда блесна касалась воды, Иван слышал, что она ложилась слишком далеко от струи, в которой жировал таймень. Иван Савельевич снял сапоги и зашёл по колено в воду. Стало холодно. Блесна улетела дальше, но, увязнув в водяной пыли, снова легла слишком близко.

Минут через двадцать, окончательно отчаявшись дотянуться в броске до гулявшего по плёсу тайменя, Иван забрался в воду по пояс. Стало невыносимо холодно. Решил терпеть. Вернуться домой без тайменя он не мог. Размахнулся, бросил. Блесна снова не долетала, но дальше идти в воду было нельзя, могло сбить течением. Что-то нужно было делать, а что, Иван не знал. Он был бессилён перед рекой, толкавшей его в холодную водяную яму, из которой не было хода назад, бессилён перед свободной и сильной рыбиной, за просто игравшей на самой быри. Он растерялся. И вдруг со спины потянула «верховка». Она в миг растолкала вязкий туман и показала Ивану Савельевичу место, где гулял таймень.

Иван прицелился, размахнулся изо всех сил и запустил блесну навстречу удаче. Попутный ветер легко подхватил приманку и, раздвигая по сторонам серую хмарь, с тихим всплеском положил её на воду, именно туда, где жировал таймень. Ждать поклёвки пришлось недолго. Иван успел лишь пару раз крутануть колесо, как таймень схватил железяку, немного потряс в зубах, видимо проверяя якоря на прочность, и убедившись, что Иван не поспешил на хорошую сталь, крутнулся и ринулся вниз в надежде скинуть Ивана Савельевича в яму. Однако не тут-то было, пара петель блестящей жилки, обернувшись вокруг рыбьего туловища, заскользила по рыбьей шкуре и, нырнув под жабры, затянулась. Таймень, почувствовав удавку, кинулся в глубину, но, не рассчитав силы, со всего маху врезался в дно, и изрядно хватанув пастью речного ила, рванулся по течению. Леска натянулась, зазвенела и, нарушив хрупкое равновесие, все-таки сбросила Ивана Савельевича в яму. Босые ноги Ивана заскользили по дресве вниз, и он выпустил из рук спиннинг. Почувяв, что натяжение лески ослабло, таймень развернулся против течения и, видимо, совсем потеряв берега, вылетел со всего маху на открывшийся после половодья остров.

Иван, нащупав край ямы, отчаянно заработал ногами и руками, подгребая под себя круглые скользкие камешки. Дресва посыпалась вниз, поднимая вместе с мутью бормышей и всякую подводную живность, прятавшуюся между камней. Сил у Ивана оставалось совсем немного. Холодная речная вода сделала его

движения медленными, сердце, несмотря на волнение, билось уже не так часто, дышать стало трудно. Захотелось закричать громко и пронзительно хоть какое-нибудь, любое, наверное, последнее в этой жизни слово. Простое и бессмысленное. Никого не зовя, не прося о пощаде или помощи, оглушительно громко заорать на весь мир. Но было поздно. Голова его оказалась под водой. Он посмотрел в глубину и увидел, как вслед за выбитой из-под камней мутью стали подниматься к его ногам полчища речных обитателей. Налимы, окуни, хариусы, пескари и чебаки, прятавшиеся где-то на дне, облепили Ивана плотным кольцом и вместо того, чтобы потянуть за собой вглубь, стали настойчиво и сильно толкать его на берег. Наяву такого случиться не могло, Иван закрыл глаза, подумав при этом: пусть будет во сне, если вытянут, отступлюсь.

Очухался Иван на косе, потёр слипшиеся то ли ото сна, то ли от запоздалого, морозного утренника глаза. Рядом смирно лежал таймень, под жабры которому вьелась петля из блестящей московской жилки. Иван Савельевич посмотрел в черные тайменьи глаза. Странно, но в них не было той лютой ненависти и бессильной злобы, которые обычно источал взгляд крупной рыбы, вынутой против её желания из вольной воды. Глаза тайменя просили о помощи. Иван улыбнулся.

– Выходит, не стали твои друзья-товарищи меня топить. Не захотели, выходит, ушицы из председателя. Да ты не бойся, я слово своё держу. Ты полежи, потерпи, я тебя вызволю. Сейчас жилку сниму, дышать будет легче.

Синими от холода пальцами Иван ослабил леску. Закусил жилку зубами и стал её грызть. Когда леска перетерлась и ослабла, жабры и рот тайменя непроизвольно раскрылись, в них было полно прошлогодней тины и ила.

– Я тебе помогу. Жабры почистим, и в речку пойдёшь, домой. Только гусей колхозных не воруй. А то несдобровать Клавке.

Иван Савельевич одной рукой обнял тайменя, второй начал аккуратно вынимать изо рта и жабр огромной рыбыны ил. Когда ила осталось совсем мало, Иван повернулся, уперся в тайменьи бок ладонями и толкнул его в сторону реки. Таймень не поддался.

– Сильно тяжёлый, – выдавил из себя Иван, – фунтов 120 будет, а то и более.

Савельевич набрал в лёгкие воздуха, толкнул тайменя и заорал что было сил:

– А ну иди домой, кому говорю, домой!

Вместо громогласного требовательного и резкого окрика, каким нередко Иван Савельевич оглушал непокорных, из горла Ивана вырвался наружу хрип, не приказывавший, а просивший. Просивший о помощи совсем не тайменя, к которому он сейчас обращался, а какую-то совсем другую силу, способную, если поверишь в неё, сдвинуть эту почерневшую от времени громадину с места.

– А ну, кому сказал, пошёл в воду! А ну!

Иван уперся босыми, сбитыми в кровь ногами тайменю в бок и надавил что было силы. Таймень дёрнулся, больно ударил Савелича дресвой, вылетевшей из-под огромного красного хвоста, и замер. Иван повернулся к рыбине

спиной, упёрся руками и ногами в рыхлую зыбкую гальку, надавил, немного передвинув рыбью голову к урезу воды. Полежал, отдышался. Продвинувшись немного вниз, надавил на брюхо, сдвинул туловище и хвост ближе к воде.

Иван двигал тайменя, пока рыбки жабры не начало полоскать проточной водой.

– Ну, давай, родненький. Пей, пей, дыши!

Таймень зашевелился, извиваясь, сам пополз в реку. Когда его изодранное в кровь брюхо уже не касалось земли, а хвост до половины погрузился в воду, таймень остановился. Чтобы не перевернуться кверху пузом, он упёрся плавниками в дно и долго стоял так, тяжело хлопая жабрами. Вскоре таймень окончательно ожил и, напоследок окатив Ивана ледяными брызгами, медленно поплыл в тёмную глубь реки. Ивану стало тепло. Изморозь на ресницах начала таять и бежала по щекам, словно слезы.

Иван стянул с себя намокшую телогрейку. Стало ещё жарче. Иван встал, кое-как добрал до брошенной на косе долблёнки. Сдвинул лодку с камней, оттолкнулся и рухнул на дно душегубки. Он сильно ударился, но ему было совсем не больно. Иван перевернулся на спину и посмотрел в небо. Туман давно рассеялся, над головой было только безоблачное небо. Лодку потянуло обратной, закружило, вывело на струю и понесло вниз.

Иван лежал на спине и долго, пока хватило сил, смотрел вверх. А над его головой, сколько бы ни крутило утлую лодчонку в уловах, ни гнало стремниною по перекатам, ни маяло ожиданием свежей струи в медлительных плёсах, было только голубое безоблачное небо. Не было больше ни людей, ни птиц, ни деревьев, ни рыб, ни берегов, одно глубокое, голубое, бесконечное небо, по которому плыла куда-то маленькая долблённая деревянная лодочка без седока.